

ПОЛЁТ ФИЛИНА

Иван Кочнев

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иван Кочнев
Полёт Филина

«Автор»

2015

Кочнев И.

Полёт Филина / И. Кочнев — «Автор», 2015

Конец 90-х. Слом эпох и переломанные судьбы людей. Главный герой Вадик Филиппов по прозвищу Филин, отсидев очередной срок в тюрьме, возвращается в родной город, где он вырос и прошёл школу выживания. Теперь же у героя одна цель - «завязать» с прошлым и начать новую жизнь. Стиснув зубы, не брезгуя ничем, карабкается он вперёд и вверх. Однако криминальное прошлое, новые партнёры и старые друзья, постоянно ввязывающие героя в сомнительные авантюры, неудержимо тянут его в пучину гибели.

© Кочнев И., 2015

© Автор, 2015

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	11
ГЛАВА 4	14
ГЛАВА 5	16
ГЛАВА 6	18
ГЛАВА 7	20
ГЛАВА 8	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Иван Кочнев

Полёт Филина

ГЛАВА 1

Поздним зимним вечером, когда жители частного сектора, что раскинулся на окраине сибирского города, уже закончили свои дела по хозяйству, очистили от снега дворные дорожки, натаскали в дом дров и воды и, согревшись у печи, собирались укладываться спать, огородами с задней стороны дворов, увязая по пояс в снегу, по сугробам пробирался парнишка двенадцати лет и тянул за собой салазки, груженные не хитростной поклажей. Невзирая на обжигающий мороз, на проникающий под рукава холодный снег, он, поддерживал силёнки, напевая про себя слова песни известного барда Ивана Кучина:

«Как далёко-далёко, где-то там в Подмоскovie
Фотографию сына уронила рука,
А по белому снегу уходил от погони
Человек в телогрейке или просто зека!»

По его юношескому, даже ещё, детскому пониманию мотив той песни вполне и кстати подходил под окружающую обстановку, под обстановку с этой противной промозглой погодой, под обстановку с его паршиво сложившейся безрадостной жизнью, и всё же слова и мотив песни навевали в его детской душе по своему романтическое настроение. И о том, что текст песни имеет конкретный смысл, смысл, связанный с гибелью в зимнем лесу беглого зека, а не стремящегося в будущее начинающего жизнь мальчишки, паренёк вовсе не задумывался. Да и зачем, если сопутствующая песне мелодия так волнительно тревожит юную душу, так приятно задевает за живое. Ему, как и герою песни, так же не хватает домашнего тепла, так же не хватает отцовского участия, не хватает материнской любви. Как герою песни хотелось бежать из тюрьмы, ему так же так же хочется бежать из родительского дома, бежать от той поганой жизни, где отец, беспросветный алкоголик, прожигая жизнь в бесконечных пьянках и просиживая целыми днями на завалинке с самокруткой в зубах, не забил дома ни единого гвоздя. Хочется бежать от жизни, где мама, несчастная женщина, целыми днями впахивает на трёх работах, чтобы хоть как-то прокормить троих детей и тунеядца-забулдыгу мужа. Где, возвращаясь поздно вечером, уставшая до остервенения, она успевает лишь «на скорую руку» приготовить еды на неделю вперёд и от усталости «без задних» ног валится спать, чтобы с раннего утра вновь оправляться на добровольную и вынужденную «каторгу».

«Нет, я не буду так жить, – внушал он себе, – я обязательно выберусь из этой проклятой жизненной ямы, я обязательно встану на ноги, у меня будет свой дом – полная чаша, будет полная поленница дров, будет полный амбар съестных припасов. А начну я со своего закутка, с той комнатухи, что соорудил в сарае, где утеплил стены, сложил из кирпича примитивную печурку, сколотил из досок кушетку-диван и обеденный стол, он же верстак. Вот только притараню домой эти бесхозные доски и мешок извести, что так бессовестно не прибранными валялись на заднем дворе у тех барыг с дальней улицы. Сколочу полку, побелю потолок и стены, совсем другой вид будет. Вот тогда и соседских пацанов пригласить в гости будет не стыдно, по-взрослому угостить чайком, поиграть с ними в карты».

Промёрзший до самих костей, чертовски уставший и голодный, как волчонок, но безмерно довольный от проделанной работы, паренёк добрался наконец до родительского дома и, не разгружая салазки, оставил их посередине двора. Сам же, растопив печурку и укутавшись

в стёганое одеяло, в своё время сдёрнутое с бельевой верёвки на соседней улице, улёгся на кушетке в сладостном ожидании долгожданного тепла. Ярко колыхающиеся в топке жёлто-рыжие языки пламени отбрасывали причудливые тени от чучела птицы филина, установленного на деревянной лавке, и ласково грели лицо.

Это чучело филина появилось у мальчишки ещё год назад, когда они вдвоём с загадочным дружком-татарчонком забрались в чулан роскошного дома, что стоит по ту сторону железной дороги. В своё время мастер-таксидермист* изготовил чучело филина не как принято, сидящим на ветке, а расправил ему крылья, придав своей композиции состояние полёта. Мальчик частенько брал его в руки и совершал воображаемый полёт якобы с ветки вниз к зазевавшемуся зайцу или же нападал на хищницу лису, заклятого соперника птицы на её охотничьих угодьях.

(* – специалист по изготовлению чучел птиц и зверей)

Тепло от печи стало медленно проникать в продрогшее на морозе тело, от растекающейся по телу сладкой истомы веки постепенно отяжелели, и он погрузился в детский безмятежный сон.

Снился цветной сон, такой ярко-жёлтый, оранжево-алый мультяшный сон, где он, огненно-рыжий взлохмаченный львёнок, на пару с очкастой доброй черепахой распевал солнечную песенку: «Мы под солнышком лежим и на солнышко глядим...» Необычайная нежность истекала на львёнка от доброй матери-черепахи, от яркого приятно ласкающего лица солнышка, от тёплого и греющего тело песка, на котором расположилась счастливая парочка – черепаха-мама и львёнок-сын. И, казалось, счастье бесконечно, и ничто не сможет разрушить эту сказочную идиллию...

– Ва-адик, Ваадик, сынок! – голос черепахи, разрушая сказку, из сказочно-беззаботного сменился на овеванный суровой реальностью, надоедливо-тревожный.

– Что ей ещё надо, вечно покоя не даёт с утра пораньше, – ворчал он про себя спросонья, – то дров ей накопи, то воды натаскай.

– Ваадик, к тебе из милиции пришли...

Сон улетучился в мгновение ока. Он даже не улетучился, он исчез без следа, словно его и не было вовсе. Хотя Вадик сразу и не сообразил, по какому такому поводу милиция может к нему прийти, а поводов за короткую его жизнь накопилось предостаточно, но то, что надо немедленно сваливать, до него дошло мгновенно. Он, как ужаленный, выпрыгнул из-под тёплого одеяла, и, накинув валенки прямо на босые ноги, набросив на голову шапку-ушанку и схватив под мышку пальто, пулей вылетел из своего логова в сарай. Затем по лестнице на чердак, далее на крышу и с крыши в соседский огород.

– Держи его, вон он в огороде! – заорал грозный участковый, показывая рукой направление молодому оперу.

Тот, преисполненный рвения к службе, кинулся вдогонку беглецу, но не тут-то было. Чтобы перебраться в соседский огород напрямик, требовалось преодолеть пространство вдоль вольера с запертым там огромным псом неизвестной породы. Громкий лай и свирепый вид звериного оскала вмиг остудил рвение опера и тот, отпрянув от решётки вольера, споткнулся об оставленные во дворе салазки и свалился в снежный сугроб.

– Дубина, не видишь, здесь собака, через сарай надо было, – орал на него участковый.

Время было упущено, и Вадик, перебравшись через забор соседского огорода, уже пересёк улицу и далее, перепрыгнув через очередной забор, скрылся из виду.

«Рвали повод собаки, в кровь сдирая ладони,

След петлял и терялся, грозно выла пурга,

А по белому снегу уходил от погони

Человек в телогрейке или просто зека...»

– Колян, а Колян, – донеслось из-за забора, что отгораживал от улицы заснеженный участок хозяйского сада, – глухой, что ли?

Колька по прозвищу Шкет осмотрелся по сторонам и осторожно подошёл к изгороди.

– Филин, ты, что ли?

– Я это, я, – заговорщицки прошипел Вадик.

– Что надо? – так же заговорщицким тоном спросил Шкет, явно заинтригованный тайным появлением своего товарища за этим забором.

– Слышь, сходи к моим, типа за солью, разузнай, чё там мусора ошиваются.

– Сам-то что не сходишь, вляпался что ли куда?

– Тебе зачем знать? Говорю, сходи, значит сходи.

– Ладно, шас схожу.

– Только не проболтайся, что я послал.

– Ладно, сам уже понял.

Во дворе творился раздрай. Дверь в комнату Вадика была настежь распахнута, и из неё вынесено всё барахло, правдой и неправдой добытое Вадиком в стремлении к заветной мечте, к хорошей жизни. Посреди двора стояли участковый, молодой опер в штатском и толстая женщина-следователь, тщательно переписывающая в тетрадь извлечённые на белый свет вещи Вадика. Тётя Зоя, мать Вадика, стояла на пороге дома с поджатыми губами и заплаканным лицом. Пёс Трезор ходил по вольеру из угла в угол, рыча и поскуливая от недовольства, что не может помешать этим чужим людям так бессовестно распоряжаться в хозяйском дворе и тем более в комнате юного хозяина.

– Теть Зоя, здрасьте, – тут же начал Шкет, как зашёл во двор, – мамка за солью послала. А что здесь милиция делает?

Зоя вновь расплакалась и приобняв парнишку прижала его к себе.

– Горе, Коля, горе! В тюрьму хотят забрать нашего Вадика, так он убежал. Никуда, говорят, не денется, всё равно домой прибежит. Так если увидишь, скажи ему, чтоб домой-то не шёл.

– Женщина, прекратите мешать следствию, – тут же вмешался в разговор участковый, – за укрывательство преступника вас могут привлечь к ответственности.

– Какое там укрывательство. Неужто сыночку моего, родную мою кровиночку, сама в тюрьму сдам! – не унималась Зоя.

– А ты, малец, кто такой? Знаешь, где твой дружок скрывается?

– Откудова мне знать-то, дяденька. Мы с ним и не дружки вовсе, так, соседи только.

– Не дружки, говоришь? Сейчас вот сопроводим тебя в участок и на допросе во всём сознаешься. И как вместе сараи чистили, и как бельё с верёвок сдёргивали.

– С чего это вы его вдруг задержите? – тут же вмешалась Зоя. – У него свои родители есть. Без их ведома права не имеете допрашивать мальчонку. Беги, Коленька, домой, а то, не ровен час, и тебя ни за что схватят, как моего Вадика, кровинушку.

Колька тут же рванул в открытую калитку и что есть мочи помчался домой. Опер было рванул за юным беглецом, но мать Вадика, изловчившись, подставила ему подножку, и тот уже второй раз за день влетел в сугроб.

Женщина-следователь спрятала ухмылку за тетрадкой.

– Дубина ты и есть дубина, – выругался вновь участковый, – а с тобой, Зоя, мы в участке поговорим.

– Ну чё там?

– Чё там, чё там... Шмон у тебя там. Всё из конуры твоей выгребли, и тетка следователь, ну та, помнишь, которая у Генки Шеста на обыске была, всё себе в тетрадку записывает. Чучело филина твоего тоже забрали, видел, как опер его в коробку запихивал. Мать твоя ревёт. Не

унижается. А гнида участковый хотел и меня загрести, типа мы вместе сараи чистили, так я свалить успел. Уходить тебе, Филин, надо. Мусора и сюда могут припереться.

- Еды принеси какой-никакой, а то и забыл, когда хавал-то.
- Щас принесу чё нить.

ГЛАВА 2

– Начальник, начальник, будь человеком, в туалет пусти, – доносилось из коридора райотдела милиции.

Это не унимался задержанный за бытовое хулиганство дядя Толя с соседней улицы. Его Вадик узнал по голосу. А как не узнаешь, если тот через день да каждый день устраивал своей семье пьяный дебош. Вся округа была в курсе их семейных событий, так сказать статуса каждого члена семьи: и кто в доме хозяин, и царь, и бог; и какая же она сука его жена, на самом деле кроткая, хрупкая и несчастная женщина тётя Тоня; и дочери-захребетницы, будущие проститутки, на самом деле два милых ангелочка со смешными косичками на голове. Как только вечером после рабочего дня он в умат пьянющим и с налитыми кровью глазами появлялся в конце их улицы, так тут же по эстафете от соседки к соседке передавалась тревожная весть, и несчастные домочадцы по уже многократно отработанной схеме устраивали групповой побег из своего дома куда-нибудь подальше к родственникам или к соседям на дальней улице. Вот тогда-то дядя Толя и выдавал бесконечные монологи в адрес своих несчастных близких. А уж если побег не удавался, и семья заставалась, так сказать, врасплох, вот тогда уже начиналось откровенное избиение и, не выдержав ужасного зрелища с рукоприкладством на грани смертоубийства, кто-нибудь из сердобольных соседей вызывал милицию. Отмотав очередные пятнадцать суток на подметании городских улиц и на сборе мусора вокруг здания милиции, дядя Толя максимум на месяц становился примерным мужем и любящим отцом, устраивал восстановительный ремонт приведённого в негодность во время дебоша домашнего скарба, восстанавливал разобранный по штакетинам забор, стеклил разбитые окна, подолгу копался в огороде. В общем – золотой мужчина, мечта любой женщины.

Обычно, до назначения наказания за нарушение общественного порядка, дядю Толю, как и других мелких дебоширов, держали в клетке, что установлена напротив окошка дежурного по райотделу. Дежурный словно не слышал мольбы задержанных о справлении малой нужды, и это было одним из методов пытки без применения физической силы, пытки физиологической, пытки унижением. А как иначе? Здесь вам не санаторий, здесь вам орган поддержания правопорядка и поблажек ни хулиганствующей шпане, ни семейным дебоширам, ни тем более всякого рода уголовникам, ни кому поблажек не дают.

– Начальник, сколько можно, вызови уже конвойного!

Вадик же сидел в одиночке, но это была глухая камера, в отличие от клетки здесь была так называемая параша*, и от того, по тюремным понятиям, статус Вадика был выше. Он не какой-то там бытовой хулиган, домашний тиран, достойный позорных пятнадцати суток общественно полезных работ, он настоящий Вор, потому и камера так сказать с туалетом, и хоть жёсткая без матраца, но откидная лежанка-кровать и, хотя и скудная, но всё же положенная пайка. Ему здесь в четырёх кирпичных стенах с решёткой на маленьком оконце под самым потолком даже комфортней, чем дома. Здесь не надо каждый день видеть опостылевшую рожу вечно пьяного и опустившегося во всех смыслах отца, не надо видеть всегда угрюмую и чертовски уставшую от невыносимого быта мать. Хотя здесь сыро и холодно, но всё же можно выспаться, и вполне сносно поесть. Не врал, выходит, Генка Шест, когда, отбыв очередной срок, вернулся на волю, не врал, что в тюрьме тоже можно жить, не врал про воровской удел, главное, как себя поставишь, так и примут. А Вадика никто ещё по серьёзному и не принимал, ни перед кем себя ставить ещё не понадобилось, потому как сидел Вадик в одиночке, потому как малолетку в общую камеру для взрослых не посадят, потому как малолеток обычно в райотделе не держат.

(* – здесь большое ведро или кадка для испражнений и помоев в тюремной камере)

"Кто же меня сдал? – терялся Вадик в догадках, – Шкет не мог, с ним я виделся всего раз, а взяли меня только через три дня. Может, Славка Игнатьев, с которым столкнулся накануне

нос к носу. Он тогда ещё удивился встрече, да ещё как заорёт на всю округу, это ты, говорит, Филин? А тебя, говорит, ищут повсюду. Пришлось ему оплеуху заехать, чтобы не орал, вот он, сволочь, и сдал меня. Вернусь, утоплю в выгребной яме. Или, может, это Анька Патрушева, вреднючая девчонка. Постоянно при встрече подляны подстраивает. Она как раз и видела, как я домой прокрался, чем не повод для подляны – сдать меня мусорам. Косы-то ей я точно обрежу, чтобы нос не задирала, коза белобрыйная. А может, батя? Он ведь как меня увидел, вдруг засобирался куда-то. Нет, батя не мог. Хоть и пропил он всё на свете, и честь и совесть вдобавок, но всё же сын я ему. Нет, это не батя".

Размышления юного сидельца прервал скрип засова...

ГЛАВА 3

Банька была пристроена прямо к дому, так что, распарившись в парной, не надо было бежать через двор, можно сразу попасть в горницу через прорубленную в стене дома для этих целей дверь. Как раз сквозь эту дверь в горницу и проникал банный аромат распаренных веников, божественный аромат телесного блаженства и всего здорового, что может дать русская баня измученному трудами человеческому телу.

Вадик и Ильдар, два дружка по прошлым пацанским вылазкам, два бывших одноклассника и в некоторой степени даже однокашника, распаренные после очередного посещения парной и со вкусом отхлёбывая пенное пиво из массивных стеклянных кружек, расслабившись предавались банному наслаждению. Оба были худыми и жилистыми. Ильдар не был предрасположен к полноте по личной физиологии и в результате неугомонного образа жизни неисправимого бабника и мелкого жулика. Вадик же, напротив, был бы рад поднакопить жирку, да вот жёсткая тюремная диета недавно «откинувшегося» зека не позволила ему вовремя обзавестись дополнительными телесными запасами.

Обстановка в доме была без особых излишеств, сразу видно, хозяину не до шика, по крайней мере последние годы, и лишней копейки для создания уюта в карманах у него пока ещё не завелось. Характерной особенностью домашнего интерьера являлись расставленные на мебельных полочках, на тумбочках и на подоконниках всевозможные фигурки и картинки с изображениями филинов и сов – необъяснимая страсть Вадика к этой хищной птице. За что, кстати, его среди братвы и прозвали Филином.

– Молодец, брателло, что в своё время пристроил баньку прямо к дому, щас вот есть где косточки погреть, – нахваливал Ильдар хозяйскую хватку своего дружка.

– Да-а! Насчёт косточек это ты правильно заметил. Нынче моим косточкам как никогда веничек не помешает, – распарившись, и может быть впервые за последние годы расслабившись, Вадик еле ворочал языком, – грейся, Ильдар, грейся брателло! Вот встану на ноги, отстроюсь, новую баньку оборудую, с предбанником, с верандой. А щас пока временный вариант. Ещё хочу во дворе мангал оборудовать. Мангал не простой, из кирпича, с барбекю и коптильной, типа летней кухни. Вот тогда ваше вдоволь посидим.

– А чертежи того мангала у тебя имеется, ну типа проект?

– Зачем чертежи? Я и так знаю, как его построю. Я ж ещё пацаном печурку сам сложил, с плитой и дымоходом на крышу, классная печурка тогда получилась, грела замечательно.

– Нет, Вадик, ты не прав. Вот смотри, русская печь, вроде ничего особенного, а хозяева сами её не клали, всегда опытного печника звали, иначе дымить будет, греть неравномерно, или вообще не будет греть. А здесь мангал, причём с коптильной, да ещё из кирпича, в некотором роде печь.

– Где ж я нынче печника-то возьму? Печники уж вывелись все, наверное.

– Так ты в книжках почитай, в журналах. Нынче всяких книг полезных на-издавали, там можно всё найти. И как дом построить, и как баньку оборудовать, и как печь сложить. Так что лучше книжки почитай на досуге, чтобы перестраивать не пришлось. Кстати, как банщик банщику рекомендую, парилку обей фольгой, чтобы тепло вовнутрь излучалось, как в термосе, а затем уже осиновою доской, а лучше липой, тогда и воздух легче будет.

– Точно! Надо будет так и сделать.

– Вадик, там к тебе мужичок какой-то пришёл, – заглянула к друзьям мама Вадика, – Не хочу его в дом пускать, не нравится он мне. Сам к нему выйди.

Вадик почернел лицом, словно почувствовал что-то неладное. Да и кто к нему, вору-рецидивисту, в столь поздний час зайти может? С соседями общих интересов не имеется, да

и в это позднее время спать уже все собираются. Товарищи бывшие не знают ещё, что он на днях с зоны откинулся. Вот только дружок-одноклассник Ильдар, с которым ещё со школьной скамьи приятельские отношения складывались, да не только приятельские, что-то большее притягивало их друг к другу, что-то на уровне родственных душ. Только Ильдар, с которым он и с зоны переписывался последнее время, только он в курсе его, Филина, возвращения.

Накинув халат, Вадик вышел во двор. Спустя с десятков минут он вернулся крайне недовольный и подавленный.

– Чё случилось, может помочь чем?

– Нет брателло, сам справлюсь.

– Кто приходил-то? – Не унимался Ильдар.

– Да так, шнырь один, Кешей назвался. Знаешь, его?

– Кеша? Вроде слышал. Под Тарасом ходит, кажется. Чё ему надо-то?

– Привет передал от местной братвы, помощь предлагал. Послал я его, короче. Завязать хочу.

Нежелательная по своей сути, к тому же ещё совершенно неожиданная именно в этот вечер, весточка из воровского мира разрушила блаженную ауру тёплой дружеской беседы, и за столом повисла гнетущая пауза. Понимая, что хозяину следовало бы остаться наедине, Ильдар допил начатую кружку пива и засобиравшись домой.

– Ильдар, брателло, останься, – всё же остановил Вадик гостя, – сам же говоришь, завтра выходной у тебя, побухаем ещё, попаримся.

Очередной заход в парную с интенсивным массажем берёзовым веником, частично разогнал неприятный стресс от визита воровского посланника, и друзья продолжили празднество.

Из динамиков магнитофона доносились слова песни Владимира Высоцкого:

«Протопи ты мне баньку по-белому,
Я от белого свету отвык,
Угорю я и мне, угорелому,
Пар горячий развяжет язык...»

– Ты бы знал, брателло, как же всё-таки сладок аромат свободы, особенно когда только с зоны откинулся, – прорвало, наконец, Вадика. Раньше он никогда и ни с кем не делился своими потаёнными мыслями, своей томившей до глубины души болью. – На воле и солнце греет теплее, и даже воздухом морозным дышится легче. Не так-то просто удержаться в спец-колонии для малолеток. Там нет законов воровских, там беспредел свирепствует. Это у себя на квартале я шишку держал, а в колонии пацаны покрепче оказались. Да ещё такую прописку устроили, что неделю в больничке провалялся. Зато потом этому Кнуту, козлу вонючему, что зачинщиком был, череп поленом проломил. С тех пор пацаны и зауважали.

– А второй срок?

– Что второй срок? Откинулся с малолетки, героем себя почувствовал. Пацаны в рот заглядывали, когда им байки травил про жизнь тюремную. Да тут ещё Генка Шест объявился. Нечего, говорит, мелочёвкой по сараям побираться. Дела, говорит, надо вести по-крупному, брать квартиры побогаче, у торгашей и цеховиков. Барахло у них и так ворованное, так что помалкивать будут, иначе ОБХСС их самих же и загребёт. Мягко стелил, пройдоха.

«Ох, знобит от рассказа дотошного,
Пар мне мысли прогнал от ума,
Из тумана холодного прошлого
Окунаюсь в горячий туман»

– Взяли-то всего две квартиры, а куш уже хороший был. Представляешь! Я раньше столько бабла в руках не держал. Бухла немерено, девки, шалавы всякие, сами ноги раздвигают – не жизнь, а малина. Я тогда про всё забыл, и про колонию, и про то, что завязать собирался. Даже про матушку забыл. А ведь хотел вырвать её из жизни этой поганой, подарков закупить, старость обеспечить ей достойную. А тут ещё, представляешь, встречаю как-то Славку Игнатьева. Тогда я ещё думал, что это он меня по малолетке мусорам сдал. Едет, сволочь, в новых "Жигулях". Очки тёмные, пальцы в перстнях. Вот, думаю, на заводе у станка так не прибарахлишься. Наверняка барыжничают Славка. Он, значит, в кабак заходит, я на улице жду. Целый день прождал. Выходит он оттуда пьянёхонек, с бабой в обнимку. А баба хоть и старше его выглядит, но не потасканная вовсе, не шалава какая-нибудь, ухоженная вся, в украшениях золотых. Вот тогда я и понял, где бабки настоящие вертятся, а мы с Шестом всего лишь мелкие домушники. Ещё сильнее на Славку обозлился – я, блин, там срок по колониям мотаю, а он здесь, не зная забот, жизнью наслаждается. Баба, значит, за руль, она потрезвее его оказалась, и поехали они по трассе, что за город ведёт. Я частника тормознул и за ними. Приезжаем мы в посёлок дачный, я такого не видал раньше. Забор, шлагбаум, будка полосатая и никаких вывесок с названием. Что за дачи, не разберёшь. Охранник нас не пустил, пропуск потребовал. Пришлось за поворот отъехать. Частника отпустил, а сам через забор. Еле успел засечь, в который двор они заехали. Вот и решил я тогда дачу ихнюю обнести.

«Эх, за веру мою беззаветную
Сколько лет отдыхал я в раю,
Променял я на жизнь беспросветную
Несусветную глупость мою»

Генка Шест на дело идти отказался, дачи, говорит, серьёзные, с охраной. Меня же, дурака, заело. Мести хотел, вот и решился идти один. Короче, взяли меня на месте преступления. Я даже притронуться ни к чему не успел, а мне пятерик припаяли.

– Чё так строго?

– Баба та, мымрой горкомовской оказалась. А Славка в любовниках ходил у неё, вот и прибарахлила она его.

– Ну ты Филин, блин, даёшь. А чё, на самом деле Славка сдал тебя по малолетке?

– Да нет. Я потом у одного знающего сидельца пробил, когда на зоне оказался. По всем раскладам Славка ни причём. Там другие ходы оказались.

ГЛАВА 4

Как оказалось, чтобы завязать с воровской жизнью, надо начинать, как говорится, с нуля. Даже не с нуля, а вообще с минуса. В хорошие места на работу не брали, не брали даже подсобным рабочим – кому нужен бывший зек, да ещё с воровскими статьями. Худо-бедно удалось устроиться на автомойку – воистину каторжный труд, несколько не лучше, чем на зоне в исправительной колонии пахать. С утра и до вечера в сырости и грязи, а зимой ещё и промозглый, пронизывающий до самых костей холод. Да и заработок-то не очень – даже на мало-мальскую машину не накопишь, тем более дом не отстроишь. Что и удалось Вадику, так это сносно приодеться, благо в те годы повсюду функционировали стихийные вещевые рынки, где можно более-менее прибарахлиться по приемлемым ценам. Отец, продолжая беспробудно пить, деградировал окончательно. Теперь даже на завалинке не сживал, а валялся пьяным у себя в комнате и дымил сигарету за сигаретой. Да и мать. А что мать? От поганой жизни такой, от безысходности, что сопровождала их нищенскую семью, если это можно назвать семьёй, несчастная мама стала частенько прикладываться к стакану. Благо сестра вышла замуж за работающего парня и теперь они живут в доме свекрови.

Блин! Конечно же, не таким представлял себе Вадик возвращение к нормальной полноценной жизни, не такой ужасной ценой. Жизненное болото не хотело выпускать его и его близких из трясины нищеты и безысходности. Блин, и ещё раз, блин! Надо что-то делать...

Вечером на огонёк заглянул Ильдар и когда за ужином друзья опрокинули по паре-тройке стопок горячительной, тот начал рассказывать Вадику про некий склад рядом со строящейся многоэтажкой.

– Блин, Ильдар, зачем ты мне это рассказываешь?

– Всё нормально, брателло, никакого риска. Сантехника в доме уже вся установлена, отделочные работы закончены, а неучтённых материалов гора осталась, и всё это под списание идёт. Представляешь, потом кто-то наварится, тот же прораб ихний. Я его знаю, он ещё тот воруго, уже два гаража построил и дачу достраивает. Чё ты, думаешь, он на свою зарплату это строит?

Ильдар и раньше подбивал Вадика на всякие там мелкие авантюры, типа прибрать к рукам что-либо, что плохо лежит, да ещё и лежит без присмотра. Другьям те мелочи обычно сходили с рук, но нынешняя затея Вадику совсем не понравилась. Что-то подсказывало – не надо в это дело ввязываться, бедой пахнет. Видимо, тяжёлый жизненный путь через две тюремных отсидки кое чему и научил.

– Нет брателло. Сам знаешь, по малолетке я на стройматериалах и погорел. Не буду я в этом деле участвовать. Здесь без меня.

– Другого шанса не будет, Вадик. Знаешь, сколько там унитазов осталось, дверей и окон? Там краски и шпатлёвки ещё на целый дом наберётся. Через два дня прораб вернётся и уйдёт товар.

– Прости, друг, не пойду.

Визит милиции не заставил себя долго ждать. Строгий участковый с опером из местной уюловки бесцеремонно прошлись по двору, проверили пустой сарай, осмотрели сквозь металлическую сетку собачий вольер, даже не побрезговали заглянуть в деревянный сортир, и лишь потом оба вошли в дом, где незваных гостей ожидал Вадик и встревоженная мать.

– Гражданин Филиппов, что вы знаете об ограблении склада строительных материалов на соседней стройке? – сразу с порога задал вопрос участковый.

– Ничего не знаю, начальник, завязал я.

– Может, слышали что? Может, дружки ваши что-нибудь рассказывали? – подключился к расспросу опер.

– Мне нечего вам рассказать.

– А где вы были в ночь с двадцать пятого на двадцать шестое число?

– Дома был, спал. Вот и матушка подтвердит, да ещё сестра двоюродная, гостила она у нас в те дни.

– Хорошо, проверим, и это тоже проверим.

– Здесь номер моего телефона, если что узнаете, позвоните, – сказал опер, подавая Вадиду свою визитку.

– Обязательно позвоню, начальник, – ответил Вадик с нотками сарказма в голосе.

– Ты мне здесь не паясничай, Филиппов, – участковый схватил Вадика за ворот и протянул к себе, – ты у меня всё равно где-нибудь да проколешься, и тогда очередную ходку я тебе обеспечу.

Вадик молчал. А что ему оставалось делать? Теперь он крайний во всех криминальных случаях, произошедших в округе. Теперь милиция к нему первому заявляется. А вдруг узнают, что, а вдруг Вадик имеет к очередному делу непосредственное отношение? А кража стройматериалов, это вообще его, Филиппова Вадима, специализация.

Опросив домашних и понимая, что от Вадика они всё равно ничего не добьются, неприятные визитеры, наконец, ушли.

Ильдар долго не появлялся, да и Вадик, чтобы не засветить друга, не искал с ним встреч. И было чего опасаться. Как оказалось, стройматериалов в ту ночь вывезли целых два грузовика и никаких следов. А Ильдар ещё тот пройдоха, можно сказать крупное дело провернул и всё шито-крыто, и милиции зацепиться не за что. Но стоило Вадиду с его-то криминальным прошлым поучаствовать в этом, на первый взгляд надёжном деле, вот тогда бы его точно раскрутили по полной программе, потому как держат его на заметке, потому и пришли к нему первому. А Ильдар? А что Ильдар? Ранее не привлекался, не подозревался, не проходил. От того его и не искали, про него даже не знали.

ГЛАВА 5

- Слышь, дед, продай мне своего москвичонка, всё равно не ездешь на нём.
- Как это «не ездешь»? Вот в прошлом году в деревню за картошкой ездил.
- В том-то и дело, что в прошлом году. Машина целый год во дворе стоит, сгниёт же.
- Не продам, Вадик, не проси.

Этот диалог уже не первый раз происходил между Вадиком и его соседом по улице, упрямым, как и большинство пожилых людей, дедом Семёном. Москвичонки этот, конечно, техника не престижная, на нём не потаксуешь даже, настолько он древний и ветхий, и тем более – не седан. Но в том-то и дело, что не седан, а пикап, и главное – на ходу. А пикап, в простонародье и пирожок и каблучок, Вадика позарез нужен. Ведь на нём можно перевозками заниматься различными, металлолом собирать всякий, и прочий бесхозный утиль. А всё что в хозяйстве не сгодится, сдавать на приёмные пункты. Всё одно, лишняя копейка никогда не лишняя.

На этот раз Вадик пришёл к соседу уже с бутылкой водки и неплохим набором закуски. Деду приятно оказанное уважение, тем более с его-то пенсией на лишнюю бутылочку не раскошешься. Но отдавать технику он как не хочется. Ведь это единственная его движимость, единственный капитал, можно сказать.

– Ну ладно, Семён Иванович, тогда напрокат отдай, – решился Вадик на запасной, хотя и не очень выгодный для него вариант, когда они опрокинули по третьей рюмочке, – я ему ремонт обеспечу и всё такое.

– Напрокат, говоришь? – дед Семён провёл ладонью по двухдневной седой щетине, что выросла на щеках и подбородке, давая понять, что его явно заинтересовал предложенный вариант, – надо подумать. Наливай ещё.

На следующий день Вадик уже ковырялся под капотом хоть и обшарпанного, но всё же желанного москвичонка. Прочистил покрытые нагаром свечи, промыл в бензине заросший грязью карбюратор, отрегулировал зажигание, и двигатель перестал «пыхтеть», заработал более ровно, и на душе как-то стало повеселее. А когда он прибрался в кузове и отмыл от вековой грязи салон водителя, москвичонки показался совсем как новенький.

Правильно писал Маркс в своём «Капитале» – нужен начальный капитал и средства производства. Начальный капитал, конечно, никакой, а вот транспортное средство, как средство производства, начало приносить сравнительно ощутимую прибыль. Как оказалось, окрестные леса изрядно захламлины стихийными свалками, богатыми, кроме всего прочего, и залежами металлолома, и сносными стройматериалами, и даже пригодными для мелкого ремонта бытовыми приборами. Бомжи в тех лесах не пасутся, далековато на себе груз таскать, а на пикапчике самое то. Сделав пару пробных ходок до пункта приёма металла, Вадик вошёл во вкус. Теперь его уже не интересовал каторжный труд на автомойке, теперь он, можно сказать, частный предприниматель и сам себе хозяин. Теперь он, не дожидаясь звонка будильника, сам просыпается на рассвете и мчится по утренним улицам за город в лесной массив, туда, где, наконец, замелькал ма-а-аленький маячок надежды.

– А ты, брателло, стройку, смотрю, затеял. Где-то кирпичом разжился, доски, гвозди и всё такое. Откуда это у тебя? – приговаривал Ильдар, тряся рукопожатием руку друга.

– Всё заработано честным трудом, брателло, вот этими руками.

Друзья были несказанно рады встрече. Полгода прошло с тех пор, как Ильдар подбивал Вадика склад стройматериалов обнести. Теперь вот сам пришёл, видимо всё прошло удачно. Вадик и не спрашивал, как это дело прошло, как друг поступил со стройматериалами. Зачем это ему? Меньше знаешь, крепче здоровье, дольше на свободе – эту истину он ещё с первой ходки усвоил.

– Молодец, Вадик! Я знал, ты упорный, ты выберешься. А я вот тебе презент подогнал, – и Ильдар протянул другу огромную картонную коробку.

– Что там? – Вадик, не скрывая любопытства, распорол ножом упаковку и вытащил на свет чучело хищной птицы с расправленными в полёте крыльями. Это был филин, это был тот самый филин, что изъяли у него ещё тогда в детстве, при обыске. Что-то, а его-то он и среди тысячи других птиц узнает. Ведь в своё время каждое пёрышко, каждый миллиметр тела птицы были аккуратно разглажены и заботливо обласканы его детскими ручонками.

– Ну, ты, брателло, уважил, вот это презент, знаешь, чем тронуть моё сердце! – он готов был запрыгать от счастья, настолько рад был столь ценному подарку. Взяв чучело в руки, Вадик, как когда-то в детстве, тут же совершил воображаемый полёт, спикировав на стоящий в углу огнетушитель, – так это дело обмыть требуется!

– Конечно, брателло, у меня как раз и фанфурик имеется.

– Кстати, а где тебе удалось раздобыть моего братана-филина? – когда они уже опрокинули по стопочке горячительного.

– Да вот удалось! – Ильдар не без удовольствия загадочно закатил глаза, – с подружкой одной кувыркался в своё время, так вот как-то на даче у её родителей и заприметил филина твоего. Как оказалось, подружка та начальнику райотдела милиции племянницей приходится, тот и прибрал себе бесхозный вещдок. Ну, ради кореша своего пришлось ту подружку ещё разок на трах-тибеток уговорить, там же у них на даче.

– Скажешь тоже, пришлось, – насмеялся Вадик над очередным любовным приключением друга.

– Ну да, встреча не без удовольствия прошла. В этот раз хоть и не первой свежести оказалась дамочка, но в постели ещё горячей и злобней, чем раньше. Одиноких тёток с голодухи ещё не так несёт. Значит, просыпается она под утро, но ни меня, ни чучела твоего, и родичам не пожалуешься, мол нечего всякую шпану к себе в постель затаскивать.

За второй бутылкой пошли уже в круглосуточный ларёк-магазинчик, что местный предприниматель открыл в конце улицы. Моросил лёгкий осенний дождик, но разогретые водочкой два молодых крепких организма, наоборот, нуждались в свежей прохладе, так что ни зонты, ни плащи им конечно же не требовались.

– Вадик, брателло! Ты когда этот гараж достроишь, там свой пикап будешь хранить? Хи-хи-хи! – продолжила дружеская беседа на пути к ночному магазинчику.

– Да нет же. Может, к тому времени приличный грузовик куплю. У меня ведь брателло идея фикс родилась – оборудую-ка я этот гараж под магазин и стройматериалами торговать буду. Я всё продумал, Ильдар. Видишь, вот сейчас мы идем по улице, которая за город ведёт, а в конце её блошинный рынок. Все дачники и те, кто ремонты квартир затеяли, все по этой улице едут. А тут вывеска, «Стройматериалы + доставка». Полюбому, ко мне в магазин заглянут, что-нибудь да возьмут.

– А товар-то, товар, где брать будешь?

– Да я как-то цемент искал, где подешевле, и на базу наткнулся одну. Там можно недорого брать, и всё по чесноку, с чеками товарными.

– Я смотрю, ты твёрдо решил легальный бизнес вести.

– А как иначе, брателло? В тюрьму я больше не хочу, хочу на свободе жизнь прожить.

ГЛАВА 6

У ночного ларька по случаю пятницы народ толпился разнообразный. Кто-то только подтянулся за первой бутылочкой водочки, кто-то заглянул прикупить сигарет, а у кого-то свидание и по такому случаю потребовалось шампанское с шоколадкой. А были и такие, как Вадик с Ильдаром, которым одной бутылочки не хватило, вот и решили догнаться. Мужчины негромко общались между собой, кто о погоде, кто о рыбалке, кто банально о футболе, а кто просто нёс всякий пьяный бред.

– Куда прёшь, мужик? Не видишь, очередь! – оттолкнул Вадик наглого и достаточно пьяного верзилу, пытавшегося оттеснить народ от окошка, через которое продавщица принимала плату и выдавала товар

– Ты кто ткой? Проблемы нжны? – заплетающимся языком прорычал верзила и неожиданно заехал Вадику в ухо.

Как так? Какой-то фраер посмел перечить, посмел руки распускать! Такого нахальства Вадик не терпел ни на зоне, ни на воле. От резкого удара в солнечное сплетение верзила согнулся пополам и, получив вдогонку мощный удар по хребтине, свалился в лужу рядом с очередью. Для закрепления успеха Вадик ещё и попинал поверженного наглеца в живот.

Мужчины в очереди тут же притихли – кто знает, что дальше будет. Вадик-то, конечно, имеет репутацию мужика крутого, да ещё и сидевшего в тюрьме, а вот что из-себя представлял верзила этот, ещё не известно. Вот поднимется и начнёт крушить всех подряд. Но верзила не вставал, либо уснул спьяну, либо, крепко на-получав, подниматься не решался.

– Эй, что вы там драку устроили? Щас милицию вызову – вмешалась в конфликт продавщица.

– Всё в порядке, Жанночка, торгуй спокойно, дебошира успокоили, – заглянул Вадик в окошко ларька, – дай-ка лучше мне вон ту бутылочку, две банки сайры и банку огурчиков. Ах, да! Хлеба положи и шоколадку.

– Какую шоколадку-то? – безразлично и сухо уточнила Жанна.

– А какая тебе больше нравится? – любезно улыбался Вадик хоть и строгой на вид, но всё же приятной девушке.

– Мне нравятся с орехами и изюмом, – всё так же сухо отвечала продавщица.

– Вот её и положи. Так, вот тебе денежки, а шоколадка – это тебе, красавица.

– Спасибо, Вадик, – улыбнулась, наконец, девушка.

Только успели друзья выпить по очередной рюмке, как зазвенел звонок, и во дворе залаяла собака. Кого ещё принесло в столь поздний час? Гостей Вадик не ждал, потому и удивился неожиданному визиту.

– Кто там? Что надо?

– Слышь, мужик, это ты нашего дружка у ларька избил?

– Ну я. А в чём дело?

– Выходи, разобраться надо.

У ворот стояли трое крепких парней, того верзила среди них не было.

– И где дружок-то ваш, парни?

– Блин, он ещё спрашивает. Ты хоть знаешь, с кем ты связался?

– Это вы, парни, не знаете, с кем связались, – это уже Ильдар вышел на авансцену, – лучше разойдитесь, а то ведь завтра жалеть будете.

– А ты вообще молчи, морда татарская. Тебя сейчас вместе с твоим дружком здесь же и закопаем.

Худой, но жилистый татарин Ильдар тоже не терпел, когда ему перечили, тем более, не справедливо наезжали. На том они ещё в школе и скорешились с Вадиком, что оба давали отпор любому, кто только посмел посягнуть на них и физически и морально. Правда, сперва подрались между собой с ничейным результатом, но как-то злобы не затаили, а, напротив, заужавали друг друга и с тех пор стали неразлучными друзьями.

А эти трое, увидев перед собой хоть и плотного, но невысокого мужичка, а другого мужичка вообще худого, от самоуверенности совсем расслабились, и это было их трагической ошибкой. Ведь перед ними стояли два закалённых в уличных драках, оттого и особо опасных бойца.

В прыжке Ильдар тут же сбил с ног неуважительно отозвавшегося о его происхождении обидчика, и пока тот пытался вновь подняться, двое других уже были нокаутированы отработанными ударами мастеров боёв без правил.

– Какая, говоришь, морда? – теперь Ильдар уже сидел на хаме сверху и методично в такт словам наносил удары по его наглой физиономии. – Ты у меня теперь на якута будешь похож, козёл вонючий.

– Ладно, брателло, хватит уже, пойдём в дом, – Вадик еле оторвал расвирепевшего друга от его жертвы.

«Блин, засветился всё-таки. Теперь, если эти козлы заяву напишут, очередной срок точно обеспечен. И зачем я в драку полез? Надо было не обращать внимания на того фраера, пусть берёт себе вне очереди, и все дела. А с другой стороны, не выруби я его, тогда любое чмо ноги об меня вытирать станет. Нет, лучше срок, чем позор», – так рассуждал про себя Вадик, забинтовывая опухшую пятерню, видимо, неудачно заехал одному из противников, возможно, косточку на кисти сломал.

Так и оказалось. Дежурный врач в травматологическом отделении сделал рентген кисти, под местным наркозом установил косточку на место и зафиксировал своё творение гипсовой повязкой. Оформляя травму в регистратуре, Вадик как бы между прочим поинтересовался, не обращался ли кто с характерными травмами – вроде всё тихо, те козлы в травматологию не обращались, значит и в милицию не должны заявить. И вот теперь он ходит с гипсовой повязкой на кисти правой руки. Управлять автомобилем стало проблематично, да и с погрузкой металла не очень-то разбежишься. Стройка тоже остановилась – ни доску распилить, ни бревно обтесать, ни раствор замесить, ни кирпич положить.

ГЛАВА 7

Сосед Вадика Лёшка по прозвищу Леший опять болтался без работы. Как-то не складывались у него трудовые отношения с потенциальными работодателями. Видите ли, им не нравится привольное отношение Лешего к труду. «Подумаешь, опоздал на час-другой, или ушёл с работы раньше положенного, – рассуждал он, – что здесь такого?» А если и вовсе не вышел на работу, то в глазах работодателя это уже считается прогулом с немедленным увольнением. Лёшку, конечно, данные обстоятельства не очень-то и расстраивали. Ему больше по душе было в лес выбраться, клюквы пособирать, грибов наломать, шишек набить кедровых, да и то не ради получения прибыли, а лишь в своё удовольствие. Может, потому и прилипло к нему это прозвище – «Леший». Только вот одним собирательством не прожить. Ведь ему, так-то молодому ещё человеку, и приодеться хочется, и с девушкой хорошенькой погулять. Не в лес же её на свидание приглашать, по болотам и буреломам бродить в поиске грибов и ягод. Только вот мешают внутренние противоречия – никак не совпадают его потребности с его нежеланием ради этих потребностей потрудиться, да ещё и на хозяина

Вот его, такого противоречивого, но всё же по-своему счастливого, и встретил Вадик на пути в лес за очередной партией кирпича, сваленного безымянным водителем в десятке километров от города.

– Привет, Леший! Куда путь держишь?

– А, Вадя. Привет! Да вот, прогуляться решил, может, грибов наломаю, у меня там заветная полянка имеется.

– Садись, подвезу.

– Спасибо, сосед. – Лёха забросил свои корзинки в будку и забрался в кабину. – А ты всё железяки собираешь? Сподручно одной-то рукой?

– Да всего помаленьку, сосед. Кирпича вот надо набрать, у меня там тоже заветная полянка имеется! – в тон с Лешим подшутил Вадик, – одной рукой, конечно, не совсем удобно, но не пропадать же добру.

– Слышь, – вдруг посетила Вадика идея после небольшой паузы, – а может, ты мне поможешь, с кирпичом-то?

– Помочь конечно можно, как не помочь. А когда я грибы соберу? Они пока свежие, можно ведёрко-другое и продать, а завтра уже перезреют, – не решаясь отказать напрямую, пытался отговориться Леший, – кирпич же и завтра и через неделю не испортится.

– Какая неделя, Леший? Думаешь я один такой продуманный на пикапе по лесам рыскаю? Уже завтра кирпичу этому ноги приделают. Так вот я и говорю, – не отступал от соседа Вадик, – мы вдвоём, да ещё и тремя руками кирпич быстро загрузим, и на твою полянку за урожаем успеем. А там уже четырьмя руками с грибами управимся, пальцы-то у меня работают. Видишь, баранку и больной рукой держать могу? И тебе с корзинками пешком тащиться не придётся, и грибы успеешь продать до вечера, – Вадик пристально и не моргая смотрел в глаза своему на удачу подвернувшемуся пассажиру, пытаясь взглядом надавить на Лешего и в то же время высмотреть в них хоть малую долю согласия, чтобы продолжить раскручивать его на эту нехитрую сделку.

Умение читать собеседника по глазам и по жестам, как и умение скрывать свои мысли, выработалось у Вадика ещё на зоне. Там за базаром постоянно следить требуется, и мысли свои никому не доверять, иначе не выжить в тех непростых условиях. Выдержать же пристальный взгляд сидельца со стажем не каждому дано, а не искущённому в таких делах простому пареньку Лёхе – тем более. Так что, до глубины души прочувствовав на себе психологическое давление, Алексей не стал скрывать своей нерешительности и, наконец, согласился помочь соседу в его немудрёном промысле.

Дармовым кирпичом заполнили лишь треть кузова-будки, большего рессоры старенького москвичонка не позволили, так что переезд на заветную грибную полянку не заставил себя долго ждать. А грибов нынче уродилось предостаточно, даже сам Леший не ожидал такого небывалого урожая. На заветной поляне их поджидали и гордо стоящие на своих ножках подберёзовики и подосиновики, и сообщества рыжиков, и даже целое семейство крепеньких белых грибов. Это хорошо, что он согласился на такую сделку с соседом, и вот теперь всё оставшееся пространство будки занимали грибы, разложенные по корзинкам, вёдрам и по приспособленным под тару курткам, футболкам и штанам. Сами же довольные удачей заготовители забрались в кабину автомобиля в одних семейных трусах.

На посту ГИБДД перед въездом в город их остановили – очень уж подозрительными показались два раздетых мужичка в кабине старенького москвичонка.

– От куда и куда путь держим, Вадим Иванович? – задал вопрос инспектор, сверяя фото на удостоверении с лицом водителя.

– Да вот грибов наломали, начальник, домой спешим.

– А кирпич откуда? Накладная на стройматериалы имеется? – начал докапываться инспектор, когда Вадик по его требованию открыл дверцу кузова-будки.

– Так из леса кирпич, начальник. Видите, бэушный, пошарпанный весь.

– Мы, товарищ инспектор, за экологию боремся, – вмешался в разговор Леший, – кто-то мусор в лесу сваливает, вот бы их задержать, а мы, значит, обратно вывозим. Санитары леса, так сказать.

– Ладно, санитары, с вас ведёрко грибов, и я не выясняю откуда кирпич.

– Какие проблемы, товарищ инспектор? Ведёрко, так ведёрко, – согласился на сделку Леший.

Вадик в торг не вмешивался – лишний раз пререкаться с милицией, себе дороже, это он ещё с прошлых времён усвоил.

Оставив Лешего с большей частью урожая на ближайшем стихийном рынке, Вадик пробежался по соседям и по сходной цене реализовал оставшийся грибной «улов». Одно ведёрко с урожаем он презентовал деду Семёну, хозяину москвичонка, и конечно же, обеспечил деликатесным продуктом кухню у себя дома, на которой матушка незамедлительно принялась готовить грибную жарёху с картошкой.

Для Вадика нынешняя вылазка в лес оказалась вполне удачной, и это несмотря на загипсованную руку. Лёха тоже был доволен и, распродав свою долю на рынке, на радостях заглянул в гости к Вадиду, типа, помочь разгрузить кирпич.

– Заходи, Лёха, как раз к столу, матушка грибов нажарила.

– Да я сыт вроде, – заскромничал для приличия Леший. – Может, с кирпичом помочь?

– С чего это ты сыт? В окно видел, не из дома идёшь, с рынка. Давай за стол.

– У меня вот, по такому случаю... – и Лёха вытащил из корзинки бутылку водки.

– Вот это другой разговор, а с кирпичом завтра поутру разберёмся.

Наутро Леший уже трудился у Вадика на дворе в качестве наёмного рабочего. А почему нет? Пока сезон, они вдвоём ездят в лес и снимают урожай, благо у Лёхи на грибные и ягодные места чутьё. Между делом подбирают в лесу всякий полезный утиль. В оставшееся время Леший трудится на строительстве гаража, Вадиду-то не с руки загипсованной рукой орудовать. Для Лёхи это хотя и наёмный, но всё же вольный труд.

К концу сентября отделочные работы в гараже были закончены, вдоль стены оборудованы стеллажи и даже разложен какой-никакой товар – Вадик начал робкие попытки торговать. Дачники в магазинчик заглядывали неохотно – сезон закончился, а вот жители окрестных

новостроек стали проявлять к магазинчику интерес. При средней-то цене на товар их прельщала невысокая стоимость доставки.

ГЛАВА 8

Сдав товар сменщице, Жанна накинула пуховичок и вышла из ларька-магазина на улицу прямо под морозящий осенний дождик. «Куда пойти, куда податься?» – этот вопрос она задавала себе каждый раз, когда закачивала очередную смену. Домой не очень-то и хочется, там всё одно и то же: пьяный отец, вечно чем-то недовольная мать и непутёвый брат со своей стервозной женой. И всё это гнетущее однообразие умещается в старенькой панельной двушке. Да ещё добираться до этого жилищного убожества не неудобно, от слова – совсем. Это надо тащиться по тёмным проулкам к автобусной остановке, что в противоположной стороне от дома, затем столько времени ждать последний автобус. А автобус этот, перебравшись по мосту через железную дорогу, всё равно мимо дома за два квартала провозит, да ещё от той дальней остановки обратно переться опять же по тёмным проулкам. Конечно, проще по тому же мосту через железку перейти пешочком, расстояние гораздо ближе, да и по времени быстрее. Но это летом, пока более-менее светло, а вот нынче вечереет рано и идти одной, да ещё и под холодным дождём как-то неуютно и жутковато.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.